

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/npj.2023.0205>

УДК 316.6

Удовлетворенность общением подростков и молодежи во время пандемии COVID-19

В. А. Баранова¹, Е. М. Дубовская^{✉ 1}, О. О. Савина¹

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ dubovskaya13@gmail.com

Резюме

Актуальность исследования обоснована необходимостью уточнения траекторий развития общения подростков и молодежи в разные периоды пандемии.

Целью является анализ удовлетворенности дистанционным и реальным общением в подростковом и юношеском возрасте в ситуации социального ограничения.

Методы представлены анкетированным опросом (Google-формы), направленным на выявление изменений в общении у подростков в разные периоды пандемии, самооценкой по 10-балльной шкале удовлетворенности общением, ассоциативным опросом относительно общения в пандемию, а также вопросами, выявляющими изменения в досуговой деятельности. Исследование включало поисковый этап (весна 2020 г.) и основной (осень 2021 г.), в котором дополнительно использовался опросник аффилиации А. Мехрабиана для выявления мотивации социальных контактов.

Выборка. Учащиеся средних школ и студенты младших курсов вузов — 306 человек (средний возраст 15,9 лет); мужского пола — 34%, женского — 66%.

Результаты показывают значимые различия ретроспективных и актуальных оценок удовлетворенности общением в пандемической ситуации: более высокий уровень удовлетворенности реальным общением осенью 2021 г. по сравнению с 2020-м ($p < 0,001$), значимое снижение удовлетворенности дистанционным общением ($p < 0,01$). Выявлено, что подростки-школьники больше удовлетворены общением в первый период пандемии, в отличие от студентов ($p < 0,05$); более удовлетворены реальным общением подростки, которые меньше нуждаются в близких друзьях, и кто легко сходится с людьми. Удовлетворены реальным общением подростки с высоким стремлением к принятию ($p < 0,05$) и низким страхом быть отвергнутыми.

Выводы. В ситуации пандемии дистанционное общение имело позитивное значение — компенсирование реальных социальных контактов через усиление тенденции использования интернет-пространства для коммуникаций и взаимодействия. После карантина часть подростков в большей степени стали ценить реальное общение, другие предпочли продолжать общаться через интернет, избегая личных встреч.

Результаты использованы для психокоррекционной работы в плане преодоления преимущественной ориентации на виртуальные контакты, интернет-привязанности.

Ключевые слова: подростки и молодежь, реальное и дистанционное общение, период пандемии COVID-19, социальные ограничения, удовлетворенность общением.

Для цитирования: Баранова В.А., Дубовская Е.М., Савина О.О. Удовлетворенность общением подростков и молодежи во время пандемии COVID-19 // Национальный психологический журнал. 2023. № 2 (50). С. 66–78. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0205>

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/npj.2023.0205>

Satisfaction with communication among teenagers and youth during the COVID-19 pandemic

Victoria A. Baranova¹, Ekaterina M. Dubovskaya^{✉ 1}, Olga O. Savina¹

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ dubovskaya13@gmail.com

Abstract

Background. The study is evoked by the need to clarify the trajectories of the development of communication among adolescents and young people in different periods of the pandemic.

Objective. The aim is to analyze satisfaction with mediated and real communication in adolescence and youth in a situation of restriction of social contacts.

Methods. The methods included a questionnaire survey (Google forms) aimed at identifying changes in communication among adolescents during different periods of the pandemic; self-assessment on a 10-point scale of satisfaction with communication; an associative survey regarding communication during the pandemic; as well as questions that identify changes in leisure activities. The study included a search stage (spring 2020) and the main stage (autumn 2021), in which A. Mehrabian's affiliation questionnaire was additionally used to identify the motivation for social contacts.

Sample. Students of secondary schools and students of junior courses of universities took part in the research. The sample included 306 people (average age 15.9 years); male — 34%, female — 66%.

Results. The study revealed significant differences between retrospective and current assessments of satisfaction with communication in a pandemic situation: the higher level of satisfaction with real communication in autumn 2021 as compared to 2020 ($p < 0.001$), a significant decrease in satisfaction with remote mediated communication ($p < 0.01$). It was found that adolescent schoolchildren are more satisfied with communication during the first period of the pandemic, unlike students ($p < 0.05$). Adolescents who are less in need of close friends and who easily converge with people are more satisfied with real communication. Adolescents with a high desire for acceptance ($p < 0.05$) and a low fear of rejection are satisfied with real communication.

Conclusions. In the context of the pandemic, remote communication had a positive meaning — compensating for real social contacts through the strengthening of the trend to use the Internet space for communication and interaction. After quarantine, some teenagers began to appreciate real communication to a greater extent, while others preferred to continue communicating via the Internet, avoiding personal meetings.

The results were used in psycho-corrective work in terms of overcoming the predominant orientation towards virtual contacts and Internet attachment.

Keywords: adolescents and youth, real and remote communication, distant mediated communication, the period of the COVID-19 pandemic, the period of social restrictions, communication satisfaction.

For citation: Baranova, V.A., Dubovskaya, E.M., Savina, O.O. (2023). Satisfaction with communication among teenagers and youth during the COVID-19 pandemic. *National psychological journal*, 2 (50), 66–78. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0205>

Введение

Вследствие ограничений, связанных с пандемией, в том числе самоизоляции и дистанционной работы, обучения, общение людей в значительной мере переместилось в интернет-среду. Переход исключительно на дистанционное, в том числе виртуальное, онлайн-общение, которое оказалось единственно возможным для подростков весной, а также в определенной

мере и в осенний период 2020 года, очевидно, повлекло за собой изменение социальных контактов подростков и их потребности в личных встречах офлайн. Разрыв между реальным и дистанционным общением становится все значительней, случаи коммуникативного «эскапизма» (ухода от реального общения, которое заменяется виртуальными контактами) становятся более частыми, что деформирует жизнь и поведение подростков.

Реальность усиления тенденции вытеснения реального общения виртуальным, обострившаяся в ситуации пандемии, ставит многочисленные вопросы о последствиях смещения общения в сторону дистанционной, цифровой, виртуальной среды для развития подростков, о возможностях реализации ведущей деятельности подросткового возраста (интимно-личностное общение) в подобной форме. В советский период происходила активная научная дискуссия относительно понятий общения и деятельности (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, М.И. Лисина, Л.И. Божович и др.); в культурно-исторической психологии (Л.С. Выготский и др.) общение подростка являлось центральным фокусом изучения развития личности (Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, И.С. Кон и др.). В постсоветский период, с появлением интернета и стремительным развитием социальных сетей, появился новый ракурс рассмотрения данной темы — виртуальное, опосредствованное цифровыми средствами, дистанционное общение, которое имеет много различных аспектов. Исследователи фокусируются на таких проблемах, как влияние виртуального общения на психологическое здоровье, его психологические риски (Солдатова, Ярмина, 2019; Хломов, Бочавер, Корнеев, 2020; и др.), затруднения общения (Реан, Ставцев, 2020) и другие.

Ключевыми характеристиками общения являются активный характер процессов, существующих между людьми, направленных на совместную деятельность, имеющих такие цели как обмен информацией, опытом, действиями, эмоциями, пониманием друг друга и самопонимание (Андреева, 2009). Виртуальное общение осуществляется с помощью телекоммуникационных систем и носит опосредствованный электронными цифровыми устройствами характер.

Социализация современных подростков проходит как в реальном, так и виртуальном мире, посредством реального и виртуального общения. Именно общение со сверстниками является ведущей деятельностью в подростковом возрасте, определяя новообразования личности человека (Мудрик, 2016; Бовина, Дворянчиков, 2020; Martsinkovskaya, 2019; и др.). Формирование идентичности у школьников, студентов происходит под влиянием контактов со своими сверстниками во время учебы в образовательном учреждении (Adams et al., 2006; Luuskx et al., 2006). Качество реальных контактов имеет важное значение для самооценки и психологического благополучия взрослеющего человека (Cameron, 1999).

В научной психологической среде активно обсуждается ситуация пандемии COVID-19 и ее возможные психологические последствия для конкретного человека и человечества в целом (Асмолов и др., 2020). В России и за рубежом интенсивно изучается

подростковое общение в условиях экстремальной ситуации, имеющей масштабный экстерриториальный характер. В связи с требованиями безопасности здоровья, особенно в начале периода пандемии, были введены социальные ограничения, включающие социальную изоляцию и самоизоляцию, что стало определенным вызовом и предметом осмысления для психологов и психиатров во всем мире (Магомед-Эминов, 2021; и др.).

Пандемия COVID-19 привлекла особое внимание исследователей к достаточно уязвимой группе населения — подросткам и юношеству, поскольку явилась важным стрессогенным фактором, который мог поставить под угрозу психическое здоровье учащихся и изменить образ жизни, привести к серьезным последствиям для их благополучия и успеваемости. Одним из важных моментов социальных ограничений являлся обязательный переход на дистанционное обучение (Баранова и др., 2020; и др.), обусловивший кардинальное преобразование образовательной среды. Изоляция и одиночество, испытанные во время пандемии COVID-19, рассматриваются как значительные факторы риска для психологического развития подростков и молодых людей (Buizza et al., 2022) и для психического здоровья среди населения в целом (Richter et al., 2021).

Исследования, направленные на изучение психического здоровья и самочувствия учащихся школ и студентов колледжей во время пандемии COVID-19, демонстрируют наличие противоречивых тенденций. Ряд авторов отмечает усиление симптомов тревоги, депрессии, расстройств настроения и расстройства личности; увеличение дистресса после начала COVID-19, переживание одиночества, употребление психоактивных веществ, проблемы с экстернализацией и вниманием (Ениколопов и др., 2020; Bussone et al., 2020; Copeland et al., 2021; Elmer et al., 2020; Fruehwirth et al., 2021). В других исследованиях наблюдалось уменьшение психологических симптомов или обнаруживалось, что они оставались достаточно стабильными во время пандемии COVID-19 (Horita et al., 2021; Li et al., 2020; Rettew et al., 2021). Траектории психического здоровья и благополучия человека варьировались в зависимости от принадлежности его к той или иной социальной группе — этнической, гендерной и др. В частности, девушки сообщали о более высоких уровнях тревоги, депрессии, стресса и одиночества в период локдауна (Elmer et al., 2020; Fruehwirth et al., 2021; Wilson et al., 2021). Возможное объяснение этого результата заключается в том, что женщины, по-видимому, больше, чем мужчины, полагаются на социальную поддержку. В других исследованиях были выявлены такие факторы риска психического здоровья учащихся во время пандемии

COVID-19, как экстраверсия, открытость и уступчивость (Rettew et al., 2021).

Во время пандемии также изменился образ жизни учащейся молодежи и подростков: они стали вести более сидячий образ жизни, больше времени проводить в одиночестве (Elmer et al., 2020), меньше заниматься физической активностью (Dun et al., 2021; Wilson et al., 2021), все чаще и дольше пользоваться интернетом, особенно в поисковых контентх Google и YouTube (Zhang et al., 2020). Теория компенсаторного использования интернета (Kardefelt-Winther, 2014) предполагает, что, когда у людей возникают психосоциальные проблемы в реальном мире, они могут использовать виртуальные сети или мобильные телефоны, чтобы избежать негативных чувств (например, одиночества). Исследователи (Kerkhof et al., 2011) утверждают, что пользователи мобильных телефонов полагаются на приложения для обмена мгновенными сообщениями и установления социальных отношений онлайн с другими людьми, что может расширить социальные каналы, улучшить качество дружбы, и уменьшить негативные чувства. Например, опрос 4509 учащихся средних школ в Китае показал, что одиночество, нерешенные жизненные проблемы и чрезмерное использование смартфонов положительно коррелируют (Zhen, Liu, Hong, & Zhou, 2019). Во время пандемии COVID-19 из-за требований социального дистанцирования и карантина учащимся средней и старшей школы пришлось сократить личное общение со своими одноклассниками, что могло усилить риск проблемного поведения в виде зависимости от гаджетов и усиления мотивации эскапизма (Li et al., 2021). Следовательно, пребывание дома во время пандемии COVID-19 могло побуждать подростков к бегству от реальности, использованию мобильных телефонов для развлечения, чтобы уменьшить психологическое переживание одиночества.

Следует отметить, что экстравертные, открытые студенты в сравнении с учащимися интровертного типа, а также молодежи из проблемных семей, сообщили о худших последствиях для психического здоровья во время пандемии. Субъекты-экстраверты имеют более широкие и разнообразные социальные контакты и виды социальной поддержки, чем интроверты (Swickert et al., 2002), что может объяснить, почему они более серьезно пострадали от карантина/изоляции.

Следует подчеркнуть, что подростковый возраст является периодом экспериментирования с отношениями между людьми: появляются новые друзья, меняются компании и привычки, происходят конфликты и примирения. Именно через общение со сверстниками подросток ищет свое место в обществе, реализуя потребности быть в среде сверстников,

занять определенное место в коллективе сверстников, поиска и признания ценности собственной личности.

Виртуальный мир для подростка — это особое психологическое пространство, где человек может быть не тем, кем он является в реальной жизни. С помощью интернета подросток может виртуально достигнуть целей, которые ему сложно или невозможно осуществить в реальной деятельности. В онлайн мире, в том числе в социальных сетях, подросток может более открыто выражать свою позицию, придумывать себе историю, экспериментировать со своим Я, по-разному презентовать себя, не стесняться чувств, эмоций, чувствовать себя комфортнее и увереннее, получить признание и эмоциональную поддержку (Иксанова, 2019), общаться с людьми из разных городов и стран. Среди негативных проявлений виртуального общения называются анонимность партнера, сложности определения правды и реальных переживаний собеседника, возможность эмоциональной привязанности к человеку, который находится очень далеко, что может нанести ущерб эмоциональному и психологическому состоянию, кибербуллинг (Xie et al., 2022). Важной темой современных исследований в области интернет-общения подростков, является изучение зависимости от интернета и особенности развития общения у интернет-зависимых подростков (Солдатова и др., 2019).

Таким образом, реальное и виртуальное общение существуют параллельно, заменяют или дополняют друг друга, так как устанавливать контакт, делиться информацией, мотивировать активность партнера по общению, возможно как в реальной, так и в виртуальной среде. Ситуация пандемии, ограничивающая возможности реальных контактов, задает новый ракурс исследования общения в подростковой и молодежной среде.

Целью исследования является анализ удовлетворенности подростков и юношей дистанционным и реальным общением в ситуации социального ограничения и изоляции.

Методы

Методы исследования представлены анкетированным опросом, Google-формы были размещены в групповых мессенджерах школьников и студентов. В анкетирование включены оценки удовлетворенности общением по 10-балльной шкале, ассоциации респондентов относительно общения в пандемию, а также вопросы, выявляющие изменения в досуговой деятельности. Исследование проводилось в два этапа: 1) поисковый этап (2020 г.) и 2) основной (2021 г.).

На втором этапе были внесены следующие дополнения: сравнение удовлетворенности реальным и дистанционным общением в начале пандемии и современной ситуации (по 10-балльным шкалам); уточнялось, произошли ли изменения и какие в социальном окружении и контактах; тест мотивации аффилиации А. Мехрабиана (в адаптации М. Ш. Магомед-Эминова (Магомед-Эминов, 1987)). Статистическая обработка проведена с помощью программы Excel. Для выявления связей между переменными использовался коэффициент корреляции Пирсона (r), анализ значимости различий для зависимых и независимых выборок проводился с помощью Стьюдент-теста (возвращает вероятность (p-value), соответствующую t-тесту Стьюдента (Student t-test)). Был проведен контент-анализ свободных ассоциаций об общении.

Выборка

В исследовании приняли участие учащиеся средних школ и студенты младших курсов вузов, всего — 306 человек (средний возраст 15,9 лет); мужского пола — 34%, женского — 66%. Респонденты первого этапа — 238 человек, женского пола — 153 (64%), мужского — 85 (36%); студентов — 117 (средний возраст 21,1, мужского пола — 38 (32,5%), женского — 79 (67,5%); школьников — 121 (средний возраст 12 лет, мужского пола — 47 (39%), женского — 74 (61%). На втором этапе — 68 человек (средний возраст 14,7 лет, мужского пола — 18 (26%), женского — 50 (73%)).

Результаты исследования

Поисковое исследование позволило получить данные об удовлетворенности общением в период действия мер социального дистанцирования и дистанционного обучения (весна-осень 2020 года). Средние оценки удовлетворенности общением представлены в табл. 1.

Таблица 1. Удовлетворенность общением в первый период пандемии COVID-19 у студентов и школьников (1 этап исследования)

Удовлетворенность общением	M±SD
Общая по выборке в целом (n = 306)	5,89±2,87
Общая 1 этап (n = 238)	5,92±2,88
У студентов (n = 117)	5,55±2,59
У школьников (n = 121)	6,28±3,08
Сравнение удовлетворенности общением	p-value Student t-test
Сравнение удовлетворенности общением у студентов и школьников	0,03*

* при p < 0,05

Table 1. Satisfaction with communication during the first period of the COVID-19 pandemic among students and schoolchildren (stage 1 of the study)

Satisfaction with communication	X±SD
Total for the sample as a whole (n = 306)	5.89±2.87
Total Stage 1 (n = 238)	5.92±2.88
Students (n = 117)	5.55±2.59
Schoolchildren (n = 121)	6.28±3.08
Comparison of satisfaction with communication	p-value Student t-test
Comparison of satisfaction with communication among students and schoolchildren	0.03*

* significant at p < 0.05

При анализе результатов поискового исследования отметим, что удовлетворенность общением в первые периоды пандемии (в 2020 году) в целом выше среднего значений 10-балльной шкалы. По сравнению с ретроспективным взглядом на данный период у респондентов основного исследования, подростки и юноши в 2020 г. значительно выше (p < 0,01) оценивали удовлетворенность своим общением в период самоизоляции и дистанционного обучения.

При сравнении удовлетворенности общением у школьников и студентов обнаружены значимые различия (p < 0,05) в оценке удовлетворенности: школьники более высоко оценивают общение в дистанционной форме, чем студенты. В свободных высказываниях они указывают на общение с помощью гаджетов, совместный просмотр фильмов, освоение Zoom для контактов и т.д. Студенты же писали о загруженности своего дня дистанционным обучением и усталостью.

Второй этап исследования проходил в ситуации снятия ряда пандемических ограничений, в частности, школьники и студенты перешли к очно-дистанционному обучению, предполагающему введение карантина в случае заболевания учащихся COVID-19 (осень 2021 года). Сравнительный анализ оценки удовлетворенности реальным и дистанционным общением ретроспективно (в 2020 году) и актуально (в 2021 году) представлены в табл. 2.

Таблица 2. Сравнение удовлетворенности общением в 2020 и 2021 гг. у студентов и школьников (2 этап исследования)

Удовлетворенность общением	M±SD
Общая 2 этап (n = 68)	5,06±2,40
удовлетворенность реальным общением в 2020 г.	5,06±2,40
удовлетворенность дистанционным общением в 2020 г.	5,76±2,85
удовлетворенность реальным общением в 2021 г.	8,33±1,98
удовлетворенность дистанционным общением в 2021 г.	5,68±2,62
Сравнение удовлетворенности общением	p-value Student t-test
Сравнение удовлетворенности общением в 2020 году (поисковый и основной этапы)	0,006*
Сравнение удовлетворенности реальным общением в 2020 и 2021 гг. (основной этап)	0,000**
Сравнение удовлетворенности дистанционным общением в 2020 и 2021 гг.(основной этап)	0,005*

* при $p < 0,05$

** при $p < 0,001$

Table 2. Comparison of satisfaction with communication in 2020 and 2021 in students and schoolchildren (stage 2 of the study)

Satisfaction with communication	M±SD
Total stage 2 (n = 68)	5.06±2.40
satisfaction with real communication in 2020	5.06±2.40
satisfaction with remote communication in 2020	5.76±2.85
satisfaction with real communication in 2021	8.33±1.98
Satisfaction with remote communication in 2021	5.68±2.62
Comparison of satisfaction with communication	p-value Student t-test
Comparison of satisfaction with communication in 2020 (exploratory and main stages)	0.006*
Comparison of satisfaction with real communication in 2020 and 2021 (main stage)	0.000**
Comparison of satisfaction with remote communication in 2020 and 2021 (main stage)	0.005*

* significant at $p < 0.05$

** significant at $p < 0.001$

Основное исследование показало, что удовлетворенность реальным и виртуальным общением различна в разные периоды пандемии. Так, ретроспективная оценка удовлетворенности своими реальными контактами в начале пандемии (2020) значимо ниже ($p < 0,000$) удовлетворенности реальным общением в настоящем (осень 2021 г.). Показатели смещаются с середины 10-балльной шкалы к ее позитивному полюсу (более 8 баллов), что свидетельствует о высокой степени удовлетворенности общением.

Обратная тенденция обнаруживается при сравнении удовлетворенности дистанционным общением в актуальный момент с ретроспективными представлениями, относящимися к периоду социальной изоляции: выявлены значимые различия ($p < 0,01$) между 2020 и 2021 годами, причем удовлетворенность дистанционным общением в воспоминаниях выше, чем в настоящем.

Респонденты отмечают, что в период пандемии изменился круг общения. Если, по понятной причине, подростки и юноши в 2020 году указывали, в основном, на сужение общения, избирательный характер контактов, то в 2021 ответы распределились по группам:

1) расширение своих контактов отметили 40,3% респондентов;

2) 37,5% указали на сужение своего социального окружения;

3) не почувствовали количественных изменений 22,2% опрошенных, но они считают, что общение из реальной жизни перешло на виртуальные платформы с теми же людьми.

Важно, что группы испытуемых, которые указали на изменение круга общения как в сторону расширения, так и снижения, практически равны по численности, в то время как третья группа насчитывает в два раза меньше респондентов. Очевидно, это свидетельствует о значительной трансформации общения подростков, что задает для них ситуацию необходимости решать задачу установления связей с новым окружением, с одной стороны, а с другой, возможно, испытывать чувство утраты, потери.

Почти все участники опроса (91,7%) отметили, что чаще всего используют социальные сети для общения, а 59,7% опрашиваемых ответили, что преимущественно общаются по телефону; 36,1% подростков используют для общения дистанционные платформы;

41,7% подростков затруднились в определении того, что именно привнесло в их жизнь (обогастило или обеднило) дистанционное общение. Негативные результаты для себя от виртуального общения отмечают 26,4% процентов опрошиваемых, положительные — у 31,9% опрошиваемых.

Данные, полученные по Опроснику аффилиации А. Мехрабиана, в частности, средние показатели по группе испытуемых свидетельствуют о большей выраженности мотива «стремление к принятию группой» (табл. 3). Подобная мотивация ведет подростков к поиску общения в группе, выражает высокую потребность в контактах, общительности.

Таблица 3. Средние показатели по двум мотивационным тенденциям в общении

Мотивационные тенденции	M±SD
Страх отвержения	120,08±24,21
Стремление к принятию	128,83±26,20

Table 3. Average indicators for two motivational trends in communication

Motivational tendencies	M±SD
Fear of rejection	120.08±24.21
Desire for acceptance	128.83±26.20

В табл. 4 представлены результаты сравнительного исследования связи удовлетворенности реальным и дистанционным общением в начальный период пандемии (в 2020 г.) и по прошествии одного года (в 2021 г.) с мотивационными тенденциями Стремление к принятию и Страх отвержения.

Таблица 4. Связи удовлетворенности реальным и дистанционным общением с мотивацией аффилиации (R-Pearson)

Удовлетворенность общением / Мотивационные тенденции	Стремление к принятию r	Страх отвержения r
удовлетворенность реальным общением в 2020 г.	-0,01	0,05
удовлетворенность реальным общением в 2021 г.	0,31*	-0,25*
удовлетворенность дистанционным общением в 2020 г.	0,04	-0,04
удовлетворенность дистанционным общением в 2021 г.	0,15	-0,10

*Корреляция значима при $p < 0,05$

Table 4. Relationships of satisfaction with real and remote communication with affiliation motivation (R-Pearson)

Satisfaction with communication / Motivational tendencies	Desire for acceptance r	Fear of rejection r
satisfaction with real communication in 2020	-0.01	0.05
satisfaction with real communication in 2021	0.31*	-0.25*
satisfaction with remote communication in 2020	0.04	-0.04
satisfaction with remote communication in 2021	0.15	-0.10

*Correlation is significant at $p < 0.05$

Анализ связей удовлетворенности общением с мотивацией аффилиации выявил значимую положительную корреляцию ($r = 0,31$, $p < 0,05$) между удовлетворенностью реальным общением в актуальный период (осень 2021 года) и стремлением к принятию, а также отрицательную со страхом быть отвергнутым ($r = -0,25$, $p < 0,05$). Результаты показывают, что более удовлетворены реальным общением подростки, которые легко сходятся с людьми (0,31) — они имеют большой круг общения и чаще взаимодействуют с людьми в реальной жизни. С другими параметрами удовлетворенности реальным и дистанционным

общением (ретроспективно и в настоящем) значимых связей с мотивами аффилиации не выявлено.

Обсуждение результатов

Требования социального дистанцирования, обязательной самоизоляции в ситуации локдауна в первый год пандемии COVID-19 (2020 г.) привели к серьезным изменениям образа жизни и привычных практик общения у подростков и юношей. Вынужденное ограничение реальных контактов способствовало

усилению значимости виртуального общения, резкому всплеску использования интернета в целях обучения, поддержания жизнедеятельности и контактов с другими людьми. Дистанционное общение с помощью цифровых электронных устройств позволило, в том числе, скомпенсировать дефицит общения в реальной жизни — об этом свидетельствуют данные, показывающие, что в первые месяцы пандемии удовлетворенность общением у подростков и юношей находилась на уровне выше среднего, то есть подростки в целом были довольны контактами со сверстниками, и эти контакты носили преимущественно виртуальный характер. В качестве иллюстрации приведем несколько высказываний, которые были даны респондентами-студентами в свободной форме, относительно особенностей общения в этот период: «Немного расстраивало отсутствие социальных взаимодействий, но их возмещало онлайн-общение»; «За время карантина я даже завела новых знакомых. Онлайн конечно, но все же появление новых людей в жизни всегда немного радует»; «В целом сильной нехватки общения или выходов в свет я не чувствовала». Контент-анализ высказываний выявил противоречивые тенденции: с одной стороны, респонденты отмечали сужение круга общения, с другой — подчеркивали, что, во-многом, это был их собственный выбор, желание или нежелание общаться дистанционно — по телефону, интернету, в социальных сетях. Например: «Два раза в неделю я общалась с двумя людьми, не считая родителей, и большего мне уже не хотелось»; «Мне достаточно пообщаться 5 минут в день с одним конкретным человеком, чтобы полностью чувствовать удовлетворенность»; «Я не использовала соцсети, только если мне не нужно было отправлять какие-то задания преподавателям, я почти не общалась с друзьями. И в тот момент я не чувствовала себя плохо».

В период пандемии почти все респонденты столкнулись с различными проблемами. Например, в период полного локдауна некоторые опрошиваемые отмечали депрессивные состояния, страхи, недостаток тактильности. По нашему мнению, эти состояния связаны с ограничением пространства, подвижности, рутинной, монотонией, вынужденным характером контактов, невозможностью быть рядом с друзьями, что обуславливало для подростка постоянное нахождение наедине со своими проблемами и переживаниями. Как указывали респонденты с высокой мотивацией общения, во время самоизоляции они часто писали в соцсетях, созванивались по видео, чтоб хоть как-то почувствовать друг друга. Однако респонденты уточняли, что даже такого общения было мало, хотелось встретиться в жизни. Очень важным оказалось иметь возможность выхода

за пределы пространственных ограничений — сменить обстановку, выйти на улицу, свежий воздух, заняться спортом, осваивать макросоциум, социокультурные практики, посещая новые места — театры, выставки, концерты, кафе.

В качестве положительных сторон характерного для начального периода пандемии перехода на дистанционное обучение респонденты отметили появление свободного времени, что позволило расширить возможности саморазвития и потратить его на любимые занятия, на общение с семьей, на приобретение новых друзей. В тоже время респонденты указали на снижение учебной мотивации, ухудшение самочувствия, усиление зависимости от компьютерных игр, которые помогали не впасть в апатию. Эти данные согласуются с исследованиями, подчеркивающими негативные аспекты влияния ситуации пандемии на состояние подростков и молодежи (Bussone et al., 2020; Copeland et al., 2021; Elmer et al., 2020; Fruehwirth et al., 2021).

Подростки-студенты оказались в более уязвимой позиции, чем школьники (их удовлетворенность общением в первые периоды пандемии ниже). Наши данные согласуются с другими исследованиями (Buizza et al., 2022), указывающими на то, что многие студенты, в отличие от более младших подростков-школьников, помимо учебы, должны были решать проблемы, связанные с зарабатыванием денег, поддержанием отношений с партнерами, членами семьи, здоровьем и т.д.

В 2021 году, когда происходило постепенное снятие социальных ограничений, дистанционное общение не утратило своих функций и значения, но удовлетворенность виртуальными контактами уступает удовлетворенности реальным общением. Очевидно, что здесь обнаруживаются допандемические тенденции: контактное общение и общение в социальных сетях сопоставимы по частоте использования, но предпочтение отдается именно реальным непосредственным контактам (Холмогорова, Авакян, Клименкова, Малюкова, 2015).

Следует отметить, что произошло разделение подростков по вопросу изменения отношения к реальным контактам: после карантина часть ребят больше, чем раньше стали ценить личные встречи, а другие пришли к выводу, что им доставляет удовольствие находиться дома и избегать личных встреч, общаться через интернет. Тенденция предпочтения виртуального общения в ущерб реальным контактам со сверстниками повышает риск киберзависимости, социальной тревожности (Харарбахова, Мусатова, Шпагина, 2021).

Данные, свидетельствующие о большей удовлетворенности общением в пандемию у подростков,

которые в меньшей степени нуждаются в близких друзьях, сопоставимы с результатами ряда исследований (Rettew et al., 2021). Подростки, которые легко сходятся с людьми, больше удовлетворены реальным общением в привычной ситуации. Но это, по-видимому, обуславливало их более негативное состояние в период социальных ограничений, осознание одиночества, сужение контактов, но и постепенную адаптацию к этому состоянию за счет представления о контроле и избирательности своих контактов. Полученные нами данные также подтверждаются и исследованиями, показывающими, что экстраверты по сравнению с интровертами в большей степени включены в социум, пользуются его поддержкой (Swickert et al., 2002), а следовательно, более чувствительны к ситуации изоляции, и более серьезно пострадали от карантина/изоляции.

Анализ досуговой деятельности показывает, что до пандемии COVID-19 подростки и молодежь посещали досуговые объекты макросоциума (кинотеатры, музеи, концерты, фестивали, театры, выставки и т.п.) значительно чаще, чем в период снятия социальных ограничений в последний период пандемии. Структура досуговой деятельности изменилась за время пандемии. После пандемии подростки не вернулись в макросоциум в допандемическом объеме, предпочитая проводить время дома, в виртуальном общении, в социальных сетях, удовлетворяя культурно-познавательные потребности виртуально, в основном, посредством просмотра фильмов и сериалов.

Таким образом, в период 2020–2021 гг. произошли значимые изменения в сфере общения: подростки освоили дистанционное общение, имея высокую предрасположенность к контактам в интернете. Потребность в общении у подростков выражена высоко, большая часть опрошенных смогла перестроиться на общение в интернете и даже расширить свой круг общения; причем, дистанционное общение не только не вызывает больших проблем, но является органичной коммуникативной средой.

Выводы

Исследование коммуникативной сферы подростков в реальном и виртуальном форматах

Литература

Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2009.

Асмолов А.Г. и др. Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии. Материалы обсуждения // Человек. 2020. Т. 31, № 4. С. 7–40. doi: 10.31857/S023620070010929–8

Баранова В.А., Дубовская Е.М., Савина О.О. Образовательная среда в условиях пандемии COVID-19: новые вызовы безопасности // Национальный психологический журнал. 2020. № 3 (39). С. 57–65. doi: 10.11621/nj.2020.0307

в условиях социального ограничения — пандемии COVID-19 показало, что большую удовлетворенность реальным общением испытывают подростки, которые легко сходятся с людьми, но они же являются группой риска в плане переживания одиночества и негативных эмоций в ситуации социальной изоляции.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что произошло разделение подростков по отношению к реальным контактам: после карантина часть подростков в большей мере стали ценить реальное общение, другие предпочли общаться через интернет, сидеть дома и избегать личных встреч.

Выявлено, что в 2021 году, когда происходило постепенное снятие социальных ограничений, дистанционное общение не утратило своих функций и значения, но при этом удовлетворенность виртуальными контактами уступала удовлетворенности реальным общением. Данные свидетельствуют о более высоком уровне удовлетворенности реальным общением осенью 2021-го по сравнению с 2020-м, значимом снижении удовлетворенности дистанционным общением.

Исследование показало существование различий между школьниками и студентами: в отличие от студентов, подростки-школьники испытывали большую удовлетворенность виртуальным общением в первый период пандемии.

Анализ досуговой деятельности подростков и молодежи показывает, что структура досуговой деятельности за время пандемии изменилась: подростки не вернулись в макросоциум в допандемическом объеме, предпочитая виртуальное общение в социальных сетях из дома.

Практическое применение

Полученные данные о виртуальном и реальном общении у подростков могут быть использованы в работе психологической службы для профилактической и психокоррекционной работы в плане преодоления негативных аспектов, связанных с увеличением роли виртуального общения, и для достижения гармоничной коммуникации в целях более эффективного обучения и развития подростка.

- Бовина И. Б., Дворянчиков Н. В. Поведение онлайн и офлайн: две реальности или одна? // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25, № 3. С. 101–115. doi: 10.17759/pse.2020250309
- Ениколопов С. Н. и др. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Психологическая газета. 2020. Т. 12, № 2. С. 108–126.
- Иксанова Г. Н. Трудности в общении подростков — виртуальный аспект // Педагогика и психология образования. 2019. Т. 5, № 1. С. 86–93.
- Магомед-Эминов М. Ш. Психодиагностика мотивации. Общая психодиагностика / Под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. М.: Издательство Московского университета, 1987.
- Мудрик А. В. Социально-педагогические проблемы социализации. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2016.
- Реан А. А., Ставцев А. А. Позитивные психологические интервенции как профилактика школьного неблагополучия, агрессии и буллинга // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 37–59.
- Солдатова Г. У., Ярмина А. Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. 2019. № 3 (35). С. 17–31. doi: 10.11621/npj.2019.0303
- Харарбахова М. А., Мусатова О. А., Шпагина Е. М. Интернет и одиночество подростков // Психология и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 2–13. doi: 10.17759/psylaw.2021110401
- Хломов К. Д., Бочавер А. А., Корнеев А. А. Копинг-стратегии и образовательная среда подростков // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 2. С. 180–199. doi: 10.17759/sps.2020110211
- Холмогорова А. Б., Авакян Т. В., Клименкова Е. Н., Малюкова Д. А. Общение в интернете и социальная тревожность у подростков из разных социальных групп // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23, № 4. С. 102–129. doi: 10.17759/cpp.2015230407
- Adams, G.R., Berzonsky, M.D., Keating, L. (2006). Psychosocial resources in first-year university students: The role of identity processes and social relationships. *Journal of Youth and Adolescence*, 35, 671–672. <https://doi.org/10.1007/s10964-006-9077-y>
- Buizza, Ch., Luciano Bazzoli, L., Ghilardi, A. (2022). Changes in College Students Mental Health and Lifestyle During the COVID-19 Pandemic: A Systematic Review of Longitudinal Studies. *Adolescent Research Review*, 7, 537–550.
- Bussone, S., Pesca, C., Tambelli, R., Carola, V. (2020). Psychological health issues subsequent to SARS-Cov-2 restrictive measures: The role of parental bonding and attachment style. *Frontiers in Psychiatry*, 11, 589444. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2020.589444>
- Cameron, J.E. (1999). Social identity and the pursuit of possible selves: Implications for the psychological well-being of university students. *Group Dynamics*, 3 (3), 179–189. <https://doi.org/10.1037/1089-2699.3.3.179>
- Copeland, W.E. et al. (2021). Impact of COVID-19 Pandemic on College Student Mental Health and Wellness. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 60 (1), 134–141.e2. <https://doi.org/10.1016/j.jaac.2020.08.466>
- Dun, Y. et al. (2021). The association between prior physical fitness and depression in young adults during the COVID-19 pandemic — a cross-sectional, retrospective study. *Brain, Cognition and Mental Health*, 11 (9), e11091. <https://doi.org/10.7717/peerj.11091>
- Elmer, T., Mepham, K., Stadtfeld, C. (2020). Students under lockdown: Comparisons of students' social networks and mental health before and during the COVID-19 crisis in Switzerland. *PLoS ONE*, 15, e0236337. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0236337>
- Fruehwirth, J.C., Biswas, S., Perreira, K.M. (2021). The COVID-19 pandemic and mental health of first-year college students: Examining the effect of COVID-19 stressors using longitudinal data. *PLoS ONE*, 16 (3), e0247999. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0247999>
- Horita, R., Nishio, A., Yamamoto, M. (2021). The effect of remote learning on the mental health of first year university students in Japan. *Psychiatry Research*, 295, 113561. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113561>
- Kardefelt-Winther, D. (2014). A conceptual and methodological critique of internet addiction research: Towards a model of compensatory internet use. *Computers in Human Behavior*, 31, 351–354. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.10.059>
- Kerkhof, P., Finkenauer, C., Muusses, L.D. (2011). Relational consequences of compulsive internet use: A longitudinal study among newlyweds. *Human Communication Research*, 37 (2), 147–173. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2958.2010.01397.x>
- Li, J., Zhan, D., Zhou, Yu., Gao, X. (2021). Loneliness and problematic mobile phone use among adolescents during the COVID-19 pandemic: The roles of escape motivation and self-control. *Addictive Behaviors*, 118, 106857. <https://doi.org/10.1016/j.add-beh.2021.106857>
- Li, W.W. et al. (2020). Novelty seeking and mental health in Chinese University students before, during, and after the COVID-19 pandemic lockdown: A longitudinal study. *Frontiers in Psychology*, 11, 60073911. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.600739>
- Luyckx, K., Goossens, L., Soenens, B. (2006). A developmental contextual perspective on identity construction in emerging adulthood: Change dynamics in commitment formation and commitment evaluation. *Developmental Psychology*, 42 (2), 366–380.
- Martsinkovskaya, T.D. (2019). The Person in transitive and Virtual space: new challenges of Modality. *Psychology in Russia: State of the Art*, 12 (2), 165–176.
- Rettew, D.C. et al. (2021). Personality trait predictors of adjustment during the COVID pandemic among college students. *PLoS ONE*, 16 (3), e0248895. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0248895>
- Richter, D., Riedel-Heller, S., Zuercher, S. (2021). Mental health problems in the general population during and after the first lockdown phase due to the SARS-Cov-2 pandemic: Rapid review of multi-wave studies. *Epidemiology and Psychiatric Sciences*, 9 (30), e27. <https://doi.org/10.1017/S2045796021000160>
- Swickert, R.J., Rosentreter, C.J., Hittner, J.B., Mushrush, J. (2002). Extraversion, social support processes, and stress. *Personality and Individual Differences*, 32 (5), 877–891. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(01\)00093-9](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(01)00093-9)

- Wilson, O.W.A. et al. (2021). The impact of the COVID-19 pandemic on US college students' physical activity and mental health. *Journal of Physical Activity and Health*, 18 (3), 272–278. <https://doi.org/10.1123/JPAH.2020-0325>
- World Health Organization. (2021). WHO Timeline COVID-19. (Retrieved from <https://www.who.int/news/item/27-04-2020-who-timeline-covid-19>) (review date: 30.04.2022).
- Xie, Z. et al. (2022). A PRISMA-Based Systematic Review of Measurements for School Bullying. *Adolescent Research Review*. (Retrieved from <https://doi.org/10.1007/s40894-022-00194-5> (review date: 30.11.2022).
- Zhang, B. et al (2020). The relationships of deteriorating depression and anxiety with longitudinal behavioral changes in Google and Youtube use during COVID-19: Observational study. *JMIR Mental Health*, 7 (11), e24012.
- Zhen, R., Liu, R.D., Hong, W., Zhou, X. (2019). How do Interpersonal Relationships Relieve Adolescents' Problematic Mobile Phone Use? The Roles of Loneliness and Motivation to Use Mobile Phones. *International Journal of Environmental Research Public Health*, 16 (13), 2286. <https://doi.org/10.3390/ijerph16132286>

References

- Adams, G.R., Berzonsky, M.D., Keating, L. (2006). Psychosocial resources in first-year university students: The role of identity processes and social relationships. *Journal of Youth and Adolescence*, 35, 671–672. <https://doi.org/10.1007/s10964-006-9077-y>
- Andreeva, G.M. (2009). Social Psychology. M.: Aspekt Press. (In Russ.).
- Asmolov, A.G. et al. (2020). Cultural-historical Activity Psychology in Extreme Situation: the Pandemic Challenge. Discussion. *Chelovek (Human)*, 31 (4), 7–40. doi: 10.31857/S023620070010929-8 (In Russ.).
- Baranova, V.A., Dubovskaya, E.M., Savina, O.O. (2020). Educational environment amid COVID-19 pandemic: new security challenges. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal (National psychological journal)*, 3 (39), 57–65. doi: 10.11621/npj.2020.0307 (In Russ.).
- Bovina, I.B., Dvoryanchikov, N.V. (2020). Online and offline behavior: two realities or one? *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 25 (3), 101–115. doi: 10.17759/pse.2020250309
- Buizza, Ch., Luciano Bazzoli, L., Ghilardi, A. (2022). Changes in College Students Mental Health and Lifestyle During the COVID-19 Pandemic: A Systematic Review of Longitudinal Studies. *Adolescent Research Review*, 7, 537–550.
- Bussone, S., Pesca, C., Tambelli, R., Carola, V. (2020). Psychological health issues subsequent to SARS-Cov-2 restrictive measures: The role of parental bonding and attachment style. *Frontiers in Psychiatry*, 11, 589444. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2020.589444>
- Cameron, J.E. (1999). Social identity and the pursuit of possible selves: Implications for the psychological well-being of university students. *Group Dynamics*, 3 (3), 179–189. <https://doi.org/10.1037/1089-2699.3.3.179>
- Copeland, W.E. et al. (2021). Impact of COVID-19 Pandemic on College Student Mental Health and Wellness. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 60 (1), 134–141.e2. <https://doi.org/10.1016/j.jaac.2020.08.466>
- Dun, Y. et al. (2021). The association between prior physical fitness and depression in young adults during the COVID-19 pandemic — a cross-sectional, retrospective study. *Brain, Cognition and Mental Health*, 11 (9), e11091. <https://doi.org/10.7717/peerj.11091>
- Elmer, T., Mephram, K., Stadtfeld, C. (2020). Students under lockdown: Comparisons of students' social networks and mental health before and during the COVID-19 crisis in Switzerland. *PLoS ONE*, 15, e0236337. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0236337>
- Enikolopov, S.N. et al. (2020). Dynamics of psychological reactions at the initial stage of the COVID-19 pandemic. *Psychological Newspaper*, 12 (2), 108–126. (In Russ.).
- Fruehwirth, J.C., Biswas, S., Perreira, K.M. (2021). The COVID-19 pandemic and mental health of first-year college students: Examining the effect of COVID-19 stressors using longitudinal data. *PLoS ONE*, 16 (3), e0247999. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0247999>
- Horita, R., Nishio, A., Yamamoto, M. (2021). The effect of remote learning on the mental health of first year university students in Japan. *Psychiatry Research*, 295, 113561. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113561>
- Iksanova, G.N. (2019). Difficulties in communication of adolescents — a virtual aspect. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya (Pedagogy and Psychology of Education)*, 5 (1), 86–93. (In Russ.).
- Kardefelt-Winther, D. (2014). A conceptual and methodological critique of internet addiction research: Towards a model of compensatory internet use. *Computers in Human Behavior*, 31, 351–354. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.10.059>
- Kerkhof, P., Finkenauer, C., Muusses, L.D. (2011). Relational consequences of compulsive internet use: A longitudinal study among newlyweds. *Human Communication Research*, 37 (2), 147–173. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2958.2010.01397.x>
- Khararbahova, M.A., Musatova, O.A., Shpagina, E.M. (2021). Internet and loneliness of teenagers. *Psikhologiya i pravo (Psychology and law)*, 11 (4), 2–13. doi: 10.17759/psylaw.2021110401 (In Russ.).
- Khломov, K.D. Bochaver, A.A., Korneev, A.A. (2020). Coping strategies and the educational environment of adolescents. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo (Social psychology and society)*, 11 (2), 180–199. doi: 10.17759/sps.2020110211 (In Russ.).
- Kholmogorova, A.B., Avakyan, T.V., Klimenkova, E.N., Malyukova, D.A. (2015). Communication on the Internet and social anxiety in adolescents from different social groups. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya (Counseling Psychology and Psychotherapy)*, 23 (4), 102–129. doi: 10.17759/cpp.2015230407 (In Russ.).
- Li, J., Zhan, D., Zhou, Yu., Gao, X. (2021). Loneliness and problematic mobile phone use among adolescents during the COVID-19 pandemic: The roles of escape motivation and self-control. *Addictive Behaviors*, 118, 106857. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2021.106857>
- Li, W.W. et al. (2020). Novelty seeking and mental health in Chinese University students before, during, and after the COVID-19 pandemic lockdown: A longitudinal study. *Frontiers in Psychology*, 11, 6007391. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.600739>

- Luyckx, K., Goossens, L., Soenens, B. (2006). A developmental contextual perspective on identity construction in emerging adulthood: Change dynamics in commitment formation and commitment evaluation. *Developmental Psychology*, 42 (2), 366–380.
- Magomed-Eminov, M. Sh. (1987). Psychodiagnostics of motivation. In A. A. Bodalev, V. V. Stolin (Eds.), *General psychodiagnostics* (pp. 155–179). M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
- Martsinkovskaya, T.D. (2019). The Person in transitive and Virtual space: new challenges of Modality. *Psychology in Russia: State of the Art*, 12 (2), 165–176.
- Mudrik, A.V. (2016). Socio-pedagogical problems of socialization. M.: Izd-vo Moskovskogo psihologo-social'nogo in-ta; Voronezh: MODEK. (In Russ.).
- Rean, A.A., Stavtsev, A.A. (2020). Positive psychological interventions as prevention of school trouble, aggression and bullying. *Voprosy obrazovaniya (Questions of Education)*, 3, 37–59. (In Russ.).
- Rettew, D.C. et al. (2021). Personality trait predictors of adjustment during the COVID pandemic among college students. *PLoS ONE*, 16 (3), e0248895. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0248895>
- Richter, D., Riedel-Heller, S., Zuercher, S. (2021). Mental health problems in the general population during and after the first lockdown phase due to the SARS-Cov-2 pandemic: Rapid review of multi-wave studies. *Epidemiology and Psychiatric Sciences*, 9 (30), e27. <https://doi.org/10.1017/S2045796021000160>
- Soldatova, G.U., Yarmina, A.N. (2019). Cyberbullying: features, role structure, parent-child relationships and coping strategies. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal (National psychological journal)*, 3 (35), 17–31. doi: 10.11621/npj.2019.0303
- Swickert, R.J., Rosentreter, C.J., Hittner, J.B., Mushrush, J. (2002). Extraversion, social support processes, and stress. *Personality and Individual Differences*, 32 (5), 877–891. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(01\)00093-9](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(01)00093-9)
- Wilson, O.W.A. et al. (2021). The impact of the COVID-19 pandemic on US college students' physical activity and mental health. *Journal of Physical Activity and Health*, 18 (3), 272–278. <https://doi.org/10.1123/JPAH.2020-0325>
- World Health Organization. (2021). WHO Timeline COVID-19. (Retrieved from <https://www.who.int/news/item/27-04-2020-who-timeline-covid-19>) (review date: 30.04.2022).
- Xie, Z. et al. (2022). A PRISMA-Based Systematic Review of Measurements for School Bullying. *Adolescent Research Review*. (Retrieved from <https://doi.org/10.1007/s40894-022-00194-5>) (review date: 30.11.2022).
- Zhang, B. et al (2020). The relationships of deteriorating depression and anxiety with longitudinal behavioral changes in Google and Youtube use during COVID-19: Observational study. *JMIR Mental Health*, 7 (11), e24012.
- Zhen, R., Liu, R.D., Hong, W., Zhou, X. (2019). How do Interpersonal Relationships Relieve Adolescents' Problematic Mobile Phone Use? The Roles of Loneliness and Motivation to Use Mobile Phones. *International Journal of Environmental Research Public Health*, 16 (13), 2286. <https://doi.org/10.3390/ijerph16132286>

Поступила: 30.09.2022

Получена после доработки: 26.03.2023

Принята в печать: 13.04.2023

Received: 30.09.2022

Revised: 26.03.2023

Accepted: 13.04.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Виктория Анатольевна Баранова — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, bva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0481-6501>

Victoria A. Baranova — Cand.Sci. (Psychology), Senior Researcher, the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, bva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0481-6501>

Екатерина Михайловна Дубовская — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, dubovskaya13@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2923-1422>

Ekaterina M. Dubovskaya — Cand.Sci. (Psychology), Associate Professor, the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, dubovskaya13@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2923-1422>

Ольга Олеговна Савина — кандидат психологических наук, доцент кафедры ресоциализации факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, savindm2006@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3326-4841>

Olga O. Savina — Cand.Sci. (Psychology), Associate Professor, the Department of Social Resocialization, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, savindm2006@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3326-4841>